

5. Сельское хозяйство Республики Бурятия : стат. сб. / Бурятстат. — Улан-Удэ, 2013.

6. Чатинян Н. В. Социальные предпосылки развития предприятий малых форм бизнеса в сельском хозяйстве / Н. В. Чатинян // Вопросы гуманитарных наук. — 2014. — № 6. — С. 28–32.

Информация об авторах

Очирова Елена Лаврентьевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра региональной экономики и управления, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8.

Тудупова Арюна Валентиновна — магистрант, кафедра региональной экономики и управления, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8.

Authors

Ochirova Elena Lavrentievna — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Regional Economics and Management, Buryat State Agricultural Academy by V.R. Philippov, 8, Pushkin Str., 670034, Ulan-Ude.

Tulupova Aruna Valentinovna — Student, Chair of Regional Economics and Management, Buryat State Agricultural Academy by V.R. Philippov, 8, Pushkin Str., 670034, Ulan-Ude.

УДК 908
ББК 63.3

Т.П. УРОЖАЕВА

СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА СИБИРИ В 1990-е ГОДЫ: РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

В статье проведен сравнительный анализ социально-экономического развития северных моногородов Западной и Восточной Сибири в первое постсоветское десятилетие. Автор акцентирует внимание социальной ответственности крупных российских компаний, ставших собственниками градообразующих предприятий. Был рассмотрен положительный опыт социальной политики, осуществляемой совместно региональными властями, органами местного самоуправления и представителями крупного бизнеса в отдельных моногородах региона в 1990-е гг.

Ключевые слова: моногорода, деградационные процессы, градообразующие предприятия, социальная ответственность бизнеса.

T.P. UROZHAIEVA

NORTHERN CITIES OF SIBERIA IN THE 1990s: DIFFERENT FATES

The article provides a comparative analysis of aspects of socio-economic development of the northern cities of Western and Eastern Siberia to

the first post-Soviet decade. The author emphasizes the social responsibility of large Russian companies have become owners of core enterprises. Was considered a positive experience of social policy, implemented jointly by regional, local authorities and representatives of big business in northern Siberia company town in the 1990s.

Keywords: company towns, degradation processes, forming enterprises, social responsibility of business.

В 1990-е гг. в нашей стране произошло изменение направления социального развития на уровне регионов и городских поселений. Вместо разноскоростного, но однонаправленного движения, характерного для советского периода, социальные трансформации приобрели разнонаправленную динамику с преобладанием деградационных процессов. Причем, функции городов (административные, промышленные, экспортные и т.д.) стали важнейшим фактором социального развития.

Можно выделить две региональных зоны развития северных городов. В *сырьевом поясе* развития, занимающем северные территории Западной Сибири, расположена большая часть моногородов, специализация которых связана с первичной обработкой углеводородного сырья. К городам подобного типа можно отнести Когалым, Лангепас, Мегион, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Радужный, Сургут, Ханты-Мансийск и Югорск в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО). Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) представлен такими городами нефтегазовой специализации, как Губкинский, Муравленко, Новый Уренгой, Ноябрьск и др.

Вторая группа моногородов расположена в промышленном поясе развития, включающего, в первую очередь, регион Восточной Сибири. В этом поясе расположились наименее благополучные в социальном отношении моногорода (Усть-Илимск, Железногорск-Илимский, Козинск, Лесосибирск и др.). Зачастую эти города имели в качестве градообразующих всего одно крупное предприятие. Также определяющим фактором их развития стала удаленность от полифункциональных городских центров.

В условиях снижения стоимости экспортной продукции градообразующих предприятий (пиломатериалов, целлюлозы, угля, черных и цветных металлов) моногорода промышленного пояса имели наибольшие потребности в пересмотре социальной политики компаний-собственников, в том числе в части перераспределения полномочий [11, с. 137].

Производство целого ряда градообразующих предприятий перестало быть конкурентоспособной, их банкротство неизбежно ставило на грань выживания сотни тысяч горожан. В 1990-е гг. заголовки региональных и местных периодических изданий буквально пестрели фразами о кризисе градообразующих предприятий: Коршуновского ГОКа в Железногорске-Илимском, УИ ЛПК в Усть-Илимске; «Норникель» в Норильске и др. [5, с. 2, 3, 1].

Усугубление социальных проблем нередко приводило к забастовкам работников предприятий, блокированию транспортных магистралей, голодовкам, захвату руководства компаний в заложники, выступлениям учителей, врачей, многие месяцы не получавших заработную плату и другим формам выражения протеста, что являлось, проявлением острого социального неблагополучия значительной части городского населения. Проблемы трудовых коллективов градообразующих предприятий гг. Усть-Илимска, Железногорска-Илимского и др. наглядно отражены в отдельных газетных публикациях [7, с. 6, 1, 2].

Проблемы в развитии социальной сферы стали распространенной темой многочисленных статей о повседневных трудностях жителей гг. Норильска, Кодинска, Талнаха [1, с. 2, 6, 3, 11, 2]. К подобным публикациям можно отнести статьи о проблемах бюджетного недофинансирования таких городов, как Норильск, Кайеркан и др. [14, с. 2]. Некоторые опубликованные материалы содержат ценный статистический материал (за отдельные годы) о социально-экономическом положении гг. Лесосибирска, Кодинска и др., где можно проследить динамику социальных показателей [18, с. 2, 3].

В 1990-е гг. социальная сфера городов Иркутской области финансировалась по остаточному принципу. Строительство социальных объектов сократилось. Перечень объектов, сданных в эксплуатацию за 1998 г., был более чем скромнен. В строй действующих были введены небольшая поликлиника (на 30 посещений в смену), больница на 25 коек и пять школ. Из-за отсутствия средств срывался ввод в действие многих объектов соцкультбыта, а «разрезание финишной ленточки» переносилось на более другие, более счастливые времена. Так и не распахнули двери долго строящиеся объекты здравоохранения в гг. Усть-Илимске, Железногорске-Илимском, Усть-Куте. По расчетам итоги 1997 г. были превзойдены по строительству поликлиник и дошкольных детских учреждений. Однако ввод в действие школ и больниц в 1998 г. был вдвое меньше показателей 1997 г. [19, с. 3]. В целях улучшения экономического состояния градообразующих предприятий, многие из которых оказались банкротами, на баланс городов были переданы некоторые объекты социальной инфраструктуры.

В городах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса к началу 1990-х гг. сложился целый комплекс проблем, нерешенных в предыдущие десятилетия. С ростом населения ХМАО в 1986–1991 гг. обострились трудности, связанные с обеспечением населения жильем, детскими садами, школами, объектами здравоохранения, культуры, другими элементами социальной инфраструктуры. Негативное отношение к «перестройке» усугубила проблема продовольственного обеспечения населения. Исчезновение с прилавков магазинов товаров первой необходимости, продуктов питания, промышленных товаров привели к провалу социальной политики на рубеже 1980–1990-х гг. [13, с. 24].

Во второй половине 1990-х гг. далеко «не безоблачно» складывались отношения муниципалитетов с собственниками вертикальных нефтяных холдингов. Так, в 1997 г. между нефтяной компанией «ЮКОС» и администрацией г. Пыть-Ях было подписано «генеральное соглашение» о проведении скоординированной политики по всем жизненно важным вопросам [3, с. 1]. Однако в том, что этот диалог был непростым, а порою даже конфронтационным, была значительная доля вины и нефтегазодобывающей компании. Эгоистические действия руководства нефтяных холдингов в 1998 г. привели поспешному сокращению в одностороннем порядке зарплаты в среднем на 30%. Нажимная, фактически насильственная отправка людей в неоплачиваемые отпуска стала проявлением практики «одностороннего навязывания игры», шаблонного перенесения стиля и методов деятельности, используемых в нефтяном бизнесе, в социальную сферу городов [12, с. 23].

Еще одна причина, отяготившая в исследуемый период диалог муниципальных образований Нефтеюганского района с нефтедобывающими компаниями — это возросшая и представляющая реальную опасность для всех сфер общественной жизни организованная преступность. Она, как показали трагические события в г. Нефтеюганске, переросла в акты уголовного террора, чтобы контролировать в своих интересах и действия органов власти, и нефтяного бизнеса. Убийство главы Нефтеюганска В.А. Петухова стало наглым и циничным вызовом обществу со стороны криминального мира [22, с. 3].

Проведенный анализ фактического состояния и тенденций производственного и социально-экономического развития Нефтеюганского района позволил сделать следующие выводы: по ряду направлений социально-экономического развития район, как и округ в целом, в начале 1990-х гг. находился в крайне кризисном состоянии. В первую очередь это относилось к обеспечению населения благоустроенным жильем, особенно в гг. Пыть-Ях и Нефтеюганск. Более четверти населения района проживали в жилищном фонде, представляющем ветхое и аварийное жилье. По данным БТИ 246 тыс. м² общей площади, т.е. более половины жилого фонда Нефтеюганского района (в том числе 16% — в Нефтеюганске и 38% — в Пыть-Яхе) в 1995 г. представляла ветхое жилье, не подлежащее восстановлению. В столь же обветшалом состоянии находились многие медицинские учреждения, общеобразовательные школы, детские сады и т.д. [2, с. 160].

В оценках развития социальной сферы малых северных городов ХМАО выделялась неудовлетворенность работой коммунальных служб. К примеру, в 1998 г. этим были обеспокоены 70% жителей в г. Мегион. Если проранжировать проблемы горожан, то в числе самых острых проблем выделялись угроза безработицы, распространение различных социальных отклонений, включая преступность, наркоманию и др.

Кроме того, обеспокоенность у жителей моногородов вызывали жилищно-коммунальные проблемы, обеспеченность жильем, социокультурные проблемы (образование, здравоохранение, культура, искусство, досуг и др.). Существенными для горожан оставались такие вызовы, как экологическая угроза, задержка выплаты зарплаты, пенсий и др. [17, с. 129].

Для городов ХМАО были характерны высокие расходы муниципалитетов по причине расположения территорий в отдаленных и малозаселенных регионах с экстремальными природно-климатическими условиями; зависимость доходов региональных и местных администраций от одной нефтегазовой отрасли. Кроме того сложились непростые взаимоотношения между муниципалитетами по поводу распределения налоговых поступлений от нефтедобывающих предприятий, которые имели структурные подразделения и осуществляли добычу в разных муниципальных образованиях. Следует отметить, что Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в 1990-е гг. не являлся получателем средств Федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ, так как имел высокое значение индекса налогового потенциала [6, с. 37].

Основные проблемы в развитии городов Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине 1990-х гг. были представлены высоким уровнем молодежной и женской безработицы, большим разрывом в заработной плате между работниками промышленности и бюджетной сферы, низким уровнем обеспеченности жильем [23, с. 5–6].

Перед руководством северных субъектов возникла непростая дилемма: или пассивно наблюдать, как умирают городские поселения или начать активно возрождать Север, все меньше надеясь на государство, а все больше ища поддержку у социально ответственного бизнеса. Среди северных территорий, кто приложил максимум усилий по улучшению сложившего положения, достойное место занимает Ханты-Мансийский автономный округ.

На начальном этапе рыночных реформ социальная роль нефтяного бизнеса на местах заключалась, прежде всего, в возрождении предприятий и повышении рентабельности производства, т.е. в создании рабочих мест и достойной оплате труда нефтяников. Такие компании, как «ЛУКОЙЛ», «ТНК», «Сургутнефтегаз» и др., расквартированные в городах ХМАО, стали уделять больше внимания вопросам охраны труда и здоровья своего персонала, развитию корпоративных структур отдыха и спорта, ведомственных медицинских центров. Компанией «ЛУКОЙЛ» в 1997 г. был создан негосударственный пенсионный фонд «ЛУКОЙЛ-гарант», введены дополнительные выплаты молодым семьям, матерям и ряд других социальных льгот для своих работников [2, с. 161].

В соответствии с Концепцией правительством округа был принят план первоочередных мероприятий по сохранению демографического потенциала ХМАО. Эти меры включали пакет нормативных документов: Закон

«О поддержке семьи, материнства и детства в ХМАО-Югре»; Постановление Губернатора автономного округа «О программе МЖК в Ханты-Мансийском автономном округе «Молодой семье — доступное жилье»; Постановление Правительства автономного округа «О доплатах к государственным ежемесячным пособиям на ребенка в Ханты-Мансийском автономном округе»; Постановление Правительства автономного округа «О ежемесячном пособии по уходу за ребенком от 1,5 до трех лет» и др. [15, с. 19].

Если говорить о результатах и эффективности реализации «Окружной программы содействия занятости населения ХМАО на 1998–2000 гг.», то в первую очередь она способствовала введению новых рабочих мест в нефтегазовой отрасли округа, сокращению масштабов вахтового метода нефтедобычи и предоставлению освобождающихся в результате такой трансформации производственного процесса рабочих мест горожанам. В 1999 г. было подписано двухстороннее межотраслевое тарифное соглашение между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа и окружными профессиональными союзами бюджетной сферы на 2000–2002 гг. [10, с. 54].

В городах Ямало-Ненецкого автономного округа мероприятия социального характера, проводимые нефтяными компаниями дали ощутимые положительные результаты. В 1997 г. в Ноябрьске социальная сфера достигла высокого уровня развития. Средний доход на душу населения превысил в шесть раз среднероссийский показатель. Пока отставала обеспеченность населения жильем (в 1998 г. 16 м² против 20 м² по стандарту), однако в дальнейшем это положение выправилось [8, с. 5].

Стратегия развития каждого северного города предполагала определенные этапы с соответствующими целями. Применительно к г. Ноябрьску эти этапы и цели выглядели следующим образом: на начальном этапе осуществления стратегии в краткосрочной перспективе ставилась задача достижения высокого качества жизни, создание предложения товаров и услуг, отвечающих высоким стандартам качества. В среднесрочной перспективе целевой установкой стало повышение качества жизни и работы на основе активизации платежеспособного спроса со стороны населения и ликвидация диспропорции между высоким уровнем платежеспособности и крайне низким уровнем предложения в сфере социальных и бытовых услуг (торговля, медицина, развлечения и отдых, сервис) [9, с. 16].

В результате реализуемых социальных программ, к концу 1990-х гг. в городах Западносибирского нефтегазового комплекса собственные доходы от эффективного освоения природных ресурсов на одного жителя были в 8–12 раз выше среднероссийского уровня. Собственными силами решались многие социально-экономические проблемы, включая такие крупные как «северный завоз» [20, с. 73]. Опираясь на этот положительный опыт, можно было проводить эффективную региональную социальную политику.

В 1990-е гг. все северные города Сибири можно подразделить на две большие группы. Первая группа поселений характеризовалась тем, что здесь, наряду с естественной убылью, шел массовый отток населения, при этом масштабы миграционной убыли были таковы, что при сохранении таких темпов в дальнейшем могли привести к полному оголению северных территорий.

Таблица 1

**Численность населения северных городов Иркутской области
и Красноярского края в 1989–2002 гг.**

Города	Годы		Прирост (убыль)
	1989	2002	
Бодайбо	20 939	16 504	–4 435
Железногорск-Илимский	32 326	29 093	–3 233
Кайеркан	27 881	27 116	–765
Лесосибирск	68 349	65 374	–2 975
Норильск	174 673	134 832	–39 841
Талнах	62 849	58 564	–4 285
Усть-Илимск	109 280	100 592	–8 688
Усть-Кут	61 165	49 951	–11 214

Составлено по: Красноярский краевой статистический ежегодник (1-12). Красноярск, 2009; Архив Иркутского областного комитета государственной статистики. Динамические ряды 08-03-10. С. 40–54; Ретроспективная численность населения по городам и районам Иркутской области в 1989–2002 гг. : стат. сб. Иркутск, 2006. С. 42.

По данным табл. 1 можно проследить наибольшую убыль населения в гг. Норильске, Усть-Куте, Усть-Илимске, Бодайбо, Талнахе. Депопуляционные процессы в индустриальных городах региона стали очевидным фактом, и не стоило строить иллюзий по поводу скорого изменения к лучшему. С 1989 по 2002 г. численность населения городов колебалась: повышаясь, в результате естественного прироста и снижаясь в результате высокого миграционного оттока. Значительное сокращение населения имело место в северных регионах Иркутской области, в связи с сокращением дотаций и изменением государственной политики. В Усть-Куте население сократилось почти на треть, в Бодайбо — на 34% [16, с. 2].

Для другой группы северных городов (в основном, центров нефтегазовой промышленности) было характерно относительное социально-экономическое благополучие и, как следствие, восходящая демографическая динамика. При этом миграции, несмотря на свои колебания, в целом имели положительное сальдо. В ХМАО появились новые факторы, определяющие современную миграционную ситуацию, в числе которых: высокий экономический и финансовый потенциал региона, благоприятный инвестиционный климат, высокий уровень урбанизации, «обильная» социальная поддержка населения. В гг. Ханты-Мансийского автономного округа наблюдалась положительная демографическая динамика.

Таблица 2

**Численность населения городов
Ханты-Мансийского автономного округа в 1989–2002 гг.**

Города	Годы		Прирост (убыль)
	1989	2002	
Когалым	44 297	55 367	+11 070
Лангепас	25 618	37 182	+11 564
Мегион	39 783	46 566	+6 783
Нефтеюганск	93 930	107 830	+13 900
Пыть-Ях	17 101	41 813	+24 712
Радужный	43 726	47 060	+3 334
Сургут	247 823	285 027	+37 204
Урай	31 198	38 872	+1 674
Ханты-Мансийск	34 462	53 953	+19 491
Югорск	24 900	30 285	+5 385

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. М. : Статистика, 1991. С. 29–34; Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения РФ, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. М. : Росстат, 2004. С. 31–36.

По данным табл. 2 можно отметить наиболее высокий прирост населения в гг. Когалым, Лангепас, Нефтеюганск, Ханты-Мансийск. За счет чрезвычайно высокого миграционного и естественного прироста население гг. Пыть-Ях и Сургут возросло в межпереписной период более чем на 20 тыс. человек.

Специфика миграционного поведения населения ХМАО по результатам исследования в самом общем выражении заключается в том, что почти все население данного округа относилось к новоселам. Лишь каждый седьмой респондент, родившись в ХМАО, никогда не переезжал на другое место жительства [21, с. 3].

Положительная динамика населения наблюдалась и в городах Ямало-Ненецкого автономного округа.

Таблица 3

**Численность населения городов
Ямало-Ненецкого автономного округа в 1989–2002 гг.**

Города	Годы		Прирост (убыль)
	1989	2002	
Губкинский	9 676	20 407	+731
Муравленко	23 100	35 926	+12 826
Ноябрьск	85 880	96 440	+10 560
Салехард	32 334	36 827	+4 493
Новый Уренгой	93 235	94 456	+1 221

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. М. : Статистика, 1991. С. 29–34; Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения РФ, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. М. : Росстат, 2004. С. 31–36.

По данным табл. 3 наиболее высоким приростом населения отличались гг. Муравленко, Ноябрьск и Салехард. Демографическая ситуация в Новом Уренгое характеризовалась увеличением численности населения с замедлением темпов роста, преобладанием в общем приросте населения миграционной составляющей, прогрессивным типом возрастной структуры (в 2002 г. доля детей в возрасте до 14 лет составляла 23%) и положительным естественным приростом [4, с. 9].

В заключение отметим, что в начале 1990-х гг. северные города Западной и Восточной Сибири имели почти равные стартовые позиции. Однако в связи со стабилизацией (в 1994–1995 гг.) и последующим ростом мировых цен на углеводороды (в 1998–1999 гг.), градообразующие предприятия нефтегазовой провинции оказались в более выгодном экономическом положении. Социальная политика, осуществляемая совместно региональными властями, органами местного самоуправления и представителями крупного бизнеса в моногородах севера Западной Сибири в 1990-е гг. привела к ощутимым положительным результатам: увеличилась численность городского населения, медленно, но стабильно повышался уровень жизни, была сохранена и приумножена социальная инфраструктура городов.

Развитие северных городов Восточной Сибири, напротив, имело устойчивый негативный тренд, что, в первую очередь было связано с низкой конкурентноспособностью градообразующих предприятий, снижением мировых цен их продукцию, недостаточным вниманием федерального и регионального руководства к социальным проблемам монопоселений.

Список использованной литературы и источников

1. Аверкиева А. В. Драма не местного масштаба: О Норильске и норильчанах / А. В. Аверкиева // Заполярная правда. 1998. — 15 мая. — С. 2; Крамарева Т. В. Очередь, дети! Проблема Норильска устроить ребенка в детский сад / Т. Крамарева // Заполярная правда. — 1999. — 28 авг. — С. 6; Юрьев О. Тяжела и неказиста жизнь норильского северянина / О. Юрьев // Заполярный вестник. — 1997. — 3 окт. — С. 3; Хорошенев И. Кординск. Время надежды и безнадёжности / И. Хорошенев // Советское Приангарье. — 1999. — 4 нояб. — С. 11; Лукс Ю. Комментарии к жизни города Талнаха / Ю. Лукс // Заполярная правда. — 2000. — 24 янв. — С. 2.
2. Гаврин А. С. Проблемы развития малых северных городов / А. С. Гаврин / Менеджмент в социальной сфере : сб. ст. — Вып. I / под ред. А. Н. Силина. — Тюмень : Вектор Бук, 1999. — С. 159–165.
3. Генеральное соглашение «О сотрудничестве между администрацией г. Пытьях с НК «ЮКОС» от 26 мая 1997 г.» // Правда Севера. — 1997. — 28 мая. — С. 1.
4. Демографическая обстановка в Тюменской области: Тюменский областной комитет госстатистики. — Тюмень : ОПП Тюменского областного комитета государственной статистики, 2001. — С. 9.
5. Заруева Н. Усть-Илим: испытание в два года: Об Усть-Илимском ЛПК / Н. Заруева // Вост.-Сиб. правда. — 1999. — 27 окт. — С. 2; Тарасов А. Цену при-

ватизации спросите у норильчан / А. Тарасов // Красноярский комсомолец. — 1996. — 27 янв. — С. 3; Что цейтнот? И думать некогда?: Письмо В. П. Астафьева президенту Б. Н. Ельцину в связи с приватизацией РАО «Норильский никель» // Красноярский рабочий. — 1994. — 9 июля. — С. 1.

6. Исторический путь и проблемы социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа : тез. докл. — Ханты-Мансийск, 1995. — С. 37.

7. Калинин В. Дело доходит до акций протеста: о конфликте между трудовым коллективом и профкомом Усть-Илимского лесопромышленного комплекса / В. Калинин // Лесная газета. — 1999. — 18 апр. — С. 6; Константинов А. Хочется жить — не выживать: о проходившей 27 марта 1997 г. в 23 городах Красноярского края общероссийской акции протеста под лозунгом «За труд, зарплату и социальные гарантии» / А. Константинов // Красноярский рабочий. — 1997. — 28 марта. — С. 1; Волков Н. Защитим себя сами...: О расширенном пленуме Областного совета профсоюзов по проблеме задолженности по зарплате / Н. Волков // Восточно-Сибирская правда. — 1996. — 9 окт. — С. 2.

8. Корзунский О. Большие игры вокруг маленького Ноябрьска / О. Корзунский // Российская газета. — 1999. — 3 март. — С. 5.

9. Любимый город! Ноябрьску — четверть века. — Омск, 2000. — 16 с.

10. Назарова Е. А. Роль региональных рынков труда и занятости в обеспечении социально-экономической адаптации отдельных категорий населения РФ / Е. А. Назарова. — Сургут, 1998.

11. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. «Сильные» и «слабые» города России / Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш // Полюса и центры роста в региональном развитии. — М., 1998. — С. 136-143.

12. Ольхон Е. Игра без правил / Е. Ольхон // Здравствуйте, нефтеюганцы! — 1998. — 28 марта. — С. 1; «ЮКОС» избавляется от убыточных месторождений // Русский Телеграф. — 1998. — № 143. — С. 23.

13. Панарин С. М. Об истоках ошибочной стратегии создания ЗСНГК / С. М. Панарин // Словцовские чтения. — Тюмень, 2000. — С. 24.

14. Положение о бюджете и бюджетном процессе в г. Норильске с городами Кайеркан, Талнах и пос. Снежногорск // Заполярная правда. — 1999. — 27 дек. — С. 2.

15. Постановление Главы Администрации Ханты-Мансийского автономного округа «Об утверждении основных мероприятий по реализации Федеральной миграционной программы» № 24 от 8 февр. 1995 г.; Стратегия социально-экономического развития ХМАО до 2000 г. — Ханты-Мансийск, 1997. — С. 19.

16. Приангарье «ужимается» // СМ-номер один. — 2003. — 8 июля. — С. 2.

17. Проблемы моноспециализированных городов. — Екатеринбург; Магнитогорск : Изд-во Урал. акад. гос. сл., 2003. — 340 с.

18. Социально-экономическое положение г. Лесосибирска в 1996 году // Заря Енисея. — 1997. — 18 март. — С. 2; Павловский В. Мир иллюзий и надежд в царстве леса. Когда проснется спящий: социально-экономическое развитие Лесосибирска / В. Павловский // Красноярский рабочий. — 1997. — 12 авг. — С. 3; Макаров А. Свет для Приангарья: Социально-экономическое положение города Козинска / А. Макаров // Красноярский рабочий. — 1995. — 22 авг. — С. 2.

19. Социальный «долгострой» // СМ-номер один. — 1998. — 22 окт. — С. 3.

20. Социальный потенциал региона: состояние и развитие. — Сургут, 1998.

21. Такая вот демография // Новости Югры. — 1999. — № 139. — 14 сент. — С. 3.
22. Толкачев В. Нефтяной бизнес — страшный бизнес... / В. Толкачев // Правда Севера. — 2001. — 11 мая. — С. 3.
23. Шаповальянц А. Социальные проблемы «большой нефти» / А. Шаповальянц // Российская газета. — 2000. — 16 март. — С. 5–6.

Информация об авторе

Урожаева Татьяна Петровна — кандидат исторических наук, МАОУ «СОШ № 13», 666686, г. Усть-Илимск, ул. Карла Маркса, 45, e-mail: olgoy@ya.ru.

Author

Urozhaeva Tatyana Petrovna — PhD in Historical Sciences, School no. 13, 45, Karl Marx Str., 666686, Ust-Ilimsk, e-mail: olgoy@ya.ru.